ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ, ГДЕ ТЫ?

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и Сергей КУРГИНЯН

Окончание. Начало — на стр. 1

Сергей КУРГИНЯН.

А я, одновременно со своими парателтральными поисками, конечно, хотел заниматься Красным проектом и почему-то верил, что буду обновителем коммунистической идеологии. У меня это совпало внутренне. И я просто всю жизнь искал, как человек подключается к энергиям, что происходит, когда он подключается, что такое символы, чем они отличаются от обычных художественных средств. Я читал по этому поводу всё, что мог, взаимодействовал, с кем мог, проводил постоянные эксперименты. Психологическая литература всегда лежала у меня на столе рядом с литературой философской и собственно художественной.

В мировом театре были те, кто вёл поиски в этом направлении. Был такой Ежи Гротовский, польский режиссёр, Питер Брук какое-то время с этим заигрывал, были Эудженио Барба и другие. И мы с ними через "железный занавес" как-то перестукивались, почти незримо.

Театр, который я создавал, претендовал на новую мистериальность. В сущности, основное, чем я хотел в своей жизни заниматься — резервными человеческими возможностями, сближением левого и правого полушарий.

Мои занятия политикой начались тогда, когда я понял, что у меня отняли страну. Я с этим смириться не могу. Я буду сражаться за то, чтобы забрать обратно отнятое. И я не хочу в эти новые клеточки вписываться. Но если бы было по-другому, я бы занимался резервными возможностями человека, правым и левым полушариями мозга, мистерией, таинством, символами, параллельными процессами в мышлении, глубинными эмоциями, пиковыми состояниями — вот тем, что делала трансперсональная психология. Я хотел бы этому посвятить жизнь.

На митинге движения «Суть времени» в Москве 7 ноября 2019 года

Всё это меня всегда безумно волновало и спутывалось с какими-то странностями моей собственной жизни. Я никогда не забуду, как закрывали мой спектакль "Батум" по пьесе Булгакова о молодом Сталине, который я поставил в 1992 году в доронинском МХАТе: сжигали билеты, сдирали афиши… Лицо Дорониной меня тогда глубоко впечатлило — это надо было видеть. Она была чем-то испугана настолько, что находилась в погранично-обезумевшем состоянии. Что там могло случиться?

И вот я заново вернулся к теме Сталина, но только на сей раз сам написал пьесу под названием "Пастырь". От старого спектакля я оставил две булгаковские мысли: что была какая-то цыганка, которая убедила юного Сталина уйти из семинарии, и что Сталин поднимал тост за людей, которые хотят вернуть украденное солнце. Мне показалось, что Булгаков тут что-то угадал.

Что происходит, когда ты ставишь пьесу? Ты не можешь других людей интегрировать в пограничные состояния, если сам в них не интегрирован. Значит, ты туда ныряешь…

Александр ПРОХАНОВ.

Ты докапываешься до этого кабеля не для того, чтобы испытать удар…

Сергей КУРГИНЯН.

Нет.

Александр ПРОХАНОВ.

И твои состояния — они не самоцель?

Сергей КУРГИНЯН.

Нет.

Александр ПРОХАНОВ.

Это инструментарий.

Сергей КУРГИНЯН.

Конечно.

Александр ПРОХАНОВ.

И вот этот кабель — он ведь, по существу, световод, по которому двигаются исторические энергии. Каждый из волшебников, колдунов, магов — стремится управлять историей, стремится изменить ход событий, стремится изменить ход времён. А что такое воскрешение?

Сергей КУРГИНЯН.

Это инициация.

Александр ПРОХАНОВ.

Это, по существу, остановка исторического потока, обращение его вспять…

Сергей КУРГИНЯН.

Суть — в инициации. То есть в том, что человек умирает и воскресает в виде новой личности. Он должен пройти через эту смерть, умереть. Не умерев, не воскреснешь. Он должен это воскрешение пережить при жизни.

Александр ПРОХАНОВ.

Но ведь воскрешения бывают очень разными. Ты говоришь о воскрешении через преображение, а бывает воскрешение, после которого наступает вторая смерть… А есть воскрешение раз и навсегда, когда попадаешь в Царствие Небесное, и оно обеспечивает тебе абсолютное бессмертие. Но ведь мечта земного человека в том, чтобы, не дожидаясь своего перехода в Царствие Небесное, обеспечить себе бессмертие здесь, при жизни. Меня всегда волнует пример Ильи-Пророка и Еноха, которые попали в Царствие Небесное во плоти. Значит, можно попасть в райские сады, не изведав тления, не изведав эту страшную, чудовищную смерть, распад. Я думаю, что и тогда, и теперь существуют тайные учения, которые говорят о возможности перехода в Царствие Небесное не через смерть. И в этом смысле весь Красный проект — это и есть, по существу, проект Еноха и Ильи-Пророка?

Сергей КУРГИНЯН.

Да, конечно.

Александр ПРОХАНОВ.

Как-то, на одном своём дне рождения, ты сказал, что твоя мечта — о возвращении и воскресении Советского Союза. Всю твою жизнь, сколько я тебя вижу и знаю, для тебя главной темой является Советский проект, Советский Союз. И ты его воскрешаешь. Но ведь Советский Союз, Советский проект, говоря метафорически, это есть дерзновенное желание большевиков опустить Царствие Небесное на землю. И большевики обладали какими-то инструментариями для этого: какими-то "крючьями", "баграми"… А может быть, просто серпом и молотом, которые держат в своих руках мухинские Рабочий и Колхозница… И они тянули это Царствие Небесное изо всех сил к земле. Это была чудовищная работа, непосильная, потому что жилы трещали у всего человечества, и грохотали пушки, и лязгали этапы по Колымскому тракту, и были вдохновенные поэмы, и были самоубийства красных пророков.

И в какой-то момент — может быть, на одну секунду — Царствие Небесное коснулось красной земли. Это было 9 мая 1945 года. Это состоялось. А потом Царствие стало удаляться. Кстати, оно и удалялось также в лязге, в грохоте, в пожарах и в стенаниях. Но, может быть, весь Красный проект, который ты хочешь воскресить, был задуман людьми (или самим Господом) для того, чтобы состоялось это мгновенное прикосновение Царствия Небесного к земле, — он был задуман ради 9 мая 1945 года. И весь смысл советского времени был в этой Победе, то есть в прекращении этого нашествия демонов, в закупоривании щели в преисподнюю. Советский проект в лице миллионов людей бросился на эту щель. По существу, весь советский народ был Александром Матросовым, который закрыл своей грудью грохочущую, страшную амбразуру — щель в преисподнюю. Может быть, тем самым Советский Союз исчерпал себя, исчерпал свою миссию историческую? Он сделал это огромное дело, выполнил свою миссию — и зачем его воскрешать? Сейчас другая задача у человечества, новое время, новые беды, новая преисподняя. Вот что ты хочешь воскресить?

Сергей КУРГИНЯН.

Новая беда — всё равно беда, новая преисподняя — всё равно преисподняя, демоны остаются демонами. Я знаю человек пять серьёзных людей, в том числе, из ГДР (какое-то время я взаимодействовал с представителями Штази, министерства госбезопасности ГДР, — они неожиданно приехали ко мне и начали разговаривать), которые верили, что в Сталинграде Гитлера интересовало снятие некоей печати. Что взятие Сталинграда означало, что там будет снята печать. Что эсэсовские специальные батальоны рвались к определённой точке, чтобы там что-то снять и открыть. Я не знаю, так ли это…

Александр ПРОХАНОВ.

А они тебе назвали эту точку?

Сергей КУРГИНЯН.

Да. Мамаев Курган. И мне кажется, что тогда эту щель запечатали, а сейчас печать снимается полностью.

Теперь, если говорить о советском проекте и воскрешении, то вопрос же всегда состоял в том, из чего будет воскрешён человек? Что это за материя? Алхимия, которую так все проклинают, она же очень недолго занималась золотом — она занималась бессмертием. Алхимики искали высшую материю, в которой нет тлена.

Учёные, которых я знал, тоже твердили, что второй закон термодинамики — это некое проклятие, которое насылает смерть в материальную сферу. А вот если там что-то изъять, то и материя может стать нетленной, бессмертной.

Человечество постоянно мечтает о бессмертии. Много обсуждался прометеизм Фёдорова — вот всё-таки интересовались большевики им или нет? То, что им интересовались Достоевский, Толстой и другие — понятно, а что с большевиками? Что там происходит с Циолковским? Он точно берёт идеи Фёдорова, или он каким-либо способом их уже искажает?

До какой степени в недрах большевизма существовала мечта о преображении человека: полном, окончательном, вот этом высшем раскрепощении всех творческих возможностей, завоевании бессмертия? Где пределы реальной большевистской мечты? Кроме благосостояния, освобождения от голода, передачи народу каких-то возможностей, — был ли там этот высший пласт?

Александр ПРОХАНОВ.

Большевики достигли цели. 9 мая 1945 года состоялось преображение, возникло новое человечество. Исчезли русские, евреи, калмыки — и возник потрясающий, абсолютно новый народ. Народ, до сих пор бессмертный, народ-великан. Это деяние, эта попытка увенчалась успехом. И этот успех является залогом того, что движение будет продолжено, оно будет продолжено с момента, на котором оборвалась вот эта большевистская задача.

Сергей КУРГИНЯН.

Я даже не знаю, как это родилось… Я, например, совершенно не понимаю, почему для меня мысль о крахе коммунизма невыносима. У меня в семье этого не было. Почему я себя ощущаю ответственным за воскрешение коммунистической идеологии, — мне совершенно непонятно. Почему надо государство отстаивать — понятно. У меня предки ему служили, у меня отец воевал на трёх войнах. А почему меня так с коммунизмом занесло?..

Было несколько моментов, которые имели для меня сущностное значение.

Первое. Я ещё застал время, когда хоронили людей, которые своими корнями были глубоко в революции. Помню, что когда впервые попал на такие похороны, у меня возникло ощущение, что происходит религиозное таинство. Люди пели: "Вы жертвами пали в борьбе роковой

Любви беззаветной к народу…" — и я видел, что они поют это как религиозный гимн, с явной верой, что человек, которого провожают в последний путь, воскреснет. Эти похороны разительно отличались от других виденных мною похорон, где говорили: "покушай вот это", "а как у тебя дела?", "болит ли у тебя нога?". Я тогда подумал: "Вот оно, настоящее!"

Второе. Ленин ещё никем не был, а уже пелась песня:

"Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе".

"А что такое это царство свободы?" — спрашивал я себя. Это же доленинский период марксизма.

У Маркса есть "из царства необходимости в царство свободы". Но ведь он называет "царством необходимости" не капитализм. Речь идёт не о переходе из капитализма в социализм. Маркс говорит о переходе из царства необходимости, природной зависимости человека, в какое-то царство свободы. Сумасшедшая совершенно идея!

А что он имел в виду под отчуждением от родовой сущности? Никакой разницы между отчуждением от родовой сущности и отчуждением от Бога, с методологической точки зрения, нет. Маркс говорит, что духовная смерть — это отчуждение от родовой сущности. А что скажет любой христианский человек? Отчуждение от Бога, потеря связи с Богом — это духовная смерть.

Дальше — что такое родовая сущность? Маркс берёт её у Фейербаха. Но если разбираться, что он имел в виду под родовой сущностью, то это, во-первых, абсолютная социальная гармония. Во-вторых, творчество как всеобъемлющий способ бытия каждого человека. В-третьих, постоянное существование человека на пределе и за пределами своих возможностей. В-четвёртых, некое преодоление замкнутости человека, его разомкнутость в духовном смысле. Есть такая дурацкая песня: "Я возьму этот большой мир". Так вот, это взятие всем собой чего-то большего, чем ты сам, размыкание бренной оболочки при жизни.

И это всё есть родовая сущность.

Нетривиальность представления о сложности устройства тонкого мира, его несводимости к чему-то совсем-совсем простому, его многообразие — оно меня как-то всегда привлекало. Но одновременно с этим мне всегда хотелось остаться где-то на территории большой науки. И вдруг я задумался: а почему Вольфганг Паули, лауреат Нобелевской премии, открыватель элементарных частиц, — почему он несколько лет работал с Карлом Юнгом, считал своим трудом синхроничность, телепатию, всё остальное? Почему Поль Дирак фактически вёл себя так же? Почему Нильс Бор или Дэвид Бом, который рассуждает о целостности науки, — почему они и столько других учёных рвались в эту нишу? Они же рвались не в классическую нишу, а куда-то рядом. Вот это всё оказало на меня очень серьёзное влияние.

Я считаю, что всё-таки, если есть ещё время (надо жить так, как будто оно есть), надо понятие "дух" вывести из нынешнего слегка аморфного состояния и придать ему окончательность. Потому что дух — это высшая человеческая способность. Что это за способность? Это не разум. Это не эмоция. Это не воля. Это не интеллект. А что это? Это высшая человеческая способность из ничего сделать что-то. Вот этим божьим усилием — раз! И мне кажется, что всё это сегодня без коммунистической идеологии невозможно.

Ещё одна безумно важная идея Маркса — это люмпены. Он тогда их только угадал. А сейчас, как мне кажется, в мире победил не капитал и не пролетарий, а мещанин, люмпен. Идёт всеобщее деклассирование. Люмпен стал огромен, он вобрал в себя озверелое мещанство. Горький именно об этом говорил, что озверелый мещанин — это ницшеанец, с его тягой к "природному закону".

И вот у меня такое ощущение, что крах СССР, помимо огромного несчастья для моего народа и всего, что я люблю, — он запустил какую-то гигантскую воронку, и всё медленно-медленно в эту чудовищную воронку затягивается.

Мне не нравится идея гностиков о том, что люди изначально поделены на пневматиков, психиков и хиликов — в этом нет единства рода человеческого, оно здесь отрицается. Но на моих глазах происходит что-то типа расщепления этого рода человеческого. Возникают люди, которые стагнируют, есть люди, которые всё-таки пытаются восходить, и есть люди, которые нисходят. Человек нисходящий — это антропологическая катастрофа.

Я уверен, что советское наследие является фактором будущего. Но нельзя просто принять это наследие, не ответив на вопрос: почему советский проект, опиравшийся на марксизм, рухнул? Нужно увидеть, где там сила, а где слабость.

Откуда Маркс взял идею, что если пролетарий лишён собственности, если пролетарий нищ, то это значит, что он — не стяжатель? Герцен говорил, что пролетарий мечтает стать мещанином. А о чём ему мечтать? У него, пролетария, дочь пойдёт на панель или будет убиваться у станка. А он мечтает, чтобы был домик с геранью на окнах… Советский Союз дал пролетарию возможность вести дочь не в публичный дом, а в высшее учебное заведение. Но всё равно омещанивание пролетариата произошло. Получается, все надежды Маркса на то, что пролетарий не будет стяжателем, поскольку он изначально лишён собственности, оказались несостоятельными. Пролетарий омещанился.

Александр ПРОХАНОВ.

Омещанивание произошло сразу после 1945 года.

Сергей КУРГИНЯН.

Почему после 1945 года человек не мог восходить дальше?

Александр ПРОХАНОВ.

Потому что цель была достигнута. Социуму больше нечем было заниматься. Мечта о бессмертии ослабевала, она покидала наследников Сталина, покидала народ. К моменту, когда эта мечта исчезла, упал Советский Союз. Достичь нового откровения, нового богочеловечества возможно только с новыми технологиями, с новыми подходами к соотнесению земного и небесного, материального и духовного.

Я, насколько мне это удаётся, слежу за твоими деяниями по построению новой организации, нового общественного движения "Суть времени". Мне кажется, ты создаёшь партию нового типа. Это не ленинская партия, это другая партия. Бессмысленно сейчас говорить о повторении Октябрьской революции, об экспроприации, о поджоге барских усадеб. Приход Царствия будет достигнут новыми технологиями — по-видимому, технологиями тайного воздействия. В твоих спектаклях участвуют активисты "Сути времени", которых ты наделяешь текстами, ролями, жестами, превращаешь их, по существу, в своих магических ассистентов. И ты, таким образом, своими спектаклями уже воздействуешь на исторический процесс. По существу, этими воздействиями ты приближаешь Царствие Небесное.

Сергей КУРГИНЯН.

Величие Октябрьской революции заключается в том, что после позорного краха монархии удалось спасти державу и потом придать ей огромное величие. Но никаких прямых ремейков быть не может. Нужны совершенно другие пути. Ленин говорил: "Мы пойдём другим путём". Так вот, и мы пойдём другим путём.

Теперь о том, что ты говоришь по поводу участия активистов "Сути времени" в моих спектаклях. Владимир Меньшов, посмотревший один из таких спектаклей, сказал: "Ну, я же вижу школу! А вы мне говорите, что они это сделали за год! За год это сделать невозможно!"

О чем это говорит? О том, что ребята действительно делают что-то странное. И это странное называется "новый человек". Мне надоело слышать про то, что коммунизм будет, но только надо сначала взять власть, потом расстрелять пять миллионов. А потом — может будет, может нет. Я хочу делать его сейчас! Кто мне мешает? Мне никто не мешает. Мне мешает человеческая косность, мне мешает человеческая поломанность, мне мешает человеческое несовершенство. Но я хочу это делать прямо сейчас.

Александр ПРОХАНОВ.

Так, может, не нужно думать о человечестве или народе — достаточно думать о небольшой группе просветлённых людей?

Сергей КУРГИНЯН.

Что-то из того, что ребята делают, может быть, происходит потому, что по ним прокатился каток девяностых. Я, пока не столкнулся с этим близко, не представлял, насколько сильно он прокатился по человеческим судьбам. Очень страшно он катился! Но дело не в этом. Дело заключается для меня в том, что тот путь, по которому уже однажды прошла страна, и которым нас пугают, не может быть повторён. Не могут быть повторены ГУЛАГи. Зачем? Чтобы двуручными пилами лес валить, когда есть уже совершенно другая техника, которая этот лес мгновенно свалит?

С моей точки зрения, рано или поздно возобладает простая истина: надо национализировать всё крупное экспортное, что есть, и на это построить большой госсектор. Декоммерциализировать образование, культуру, медицину и построить огромный госсектор. Всё мелкое — вообще освободить от налогов. А где-то рядом строить коммуны, строить нового человека.

Мне говорят о транзите власти. Транзит власти хорош при семидесяти процентах поддержки, а не при двадцати. Какой транзит? О чём речь идёт? А как это всё может заклубиться мгновенно и обрушиться, я знаю. Поэтому вся моя политическая жизнь нацелена на то, чтобы не дать государству развалиться. Оно — плохое, но ведь если оно упадёт — будет ещё хуже. Пусть оно живёт, а внутри него должны развиваться новые сущностные силы.

Где новая патриотическая интеллигенция? Вот я и хочу её делать. Ну, пусть это будет небольшой отряд. И ничем бы я не занимался, кроме этих ребят, если бы не постоянный страх за страну. Я не знаю, что будет в итоге из этой тысячи людей, которые согласилась всерьёз работать. Не болтать, не аплодировать мне, а работать. Ну, что будет, то будет. По крайней мере, я твёрдо знаю: всё, что смогу, — я сделаю.

Александр ПРОХАНОВ.

А в этой титанической работе, которая связана с некоей твоей миссией, ты чувствуешь себя одиноким?

Сергей КУРГИНЯН.

Да, я чувствую себя одиноким. И главное, что по природе своей я — человек компанейский. Это брехня, что я всё хочу "потянуть на себя". Я хочу, чтобы было двадцать театров, с которыми можно вместе проводить фестивали. Но я понимаю, что фестивали делать не с кем. Мне стыдно смотреть на то, что вокруг происходит. Мне это неинтересно. Я от этого тоскую. Да, у меня есть свой театр, мне дали безумно много. Но у меня отняли советского зрителя, какой-нибудь миллион людей, которые чего-то хотели, которым было что-то нужно, и которые чувствовали себя социально значимыми.

Да, я хотел бы, чтобы патриотическая интеллигенция сплотилась и по любому поводу мгновенно говорила: "Руки прочь от наших товарищей!" — так, как это говорят с другой стороны. Я хотел бы, чтобы всё время рождалось больше и больше ярких новых публицистов, творческих людей, которые стояли бы на этих позициях. Но я этого не вижу. Всё, что я могу делать, — это растить тех, кто пришёл в движение "Суть времени".

Александр ПРОХАНОВ.

У тебя сейчас интонация такого отчаяния. Но ведь это — подвижничество. Твоё одиночество — тоже крест.

Сергей КУРГИНЯН.

Так одиноки, как мы были в 1990-м году, мы уже не будем никогда. Что такое 1990-й год? Это в 2010 году я выступаю на телепередачах, и девяносто процентов за меня. А когда я то же самое говорил в 1990-м году, сколько было процентов? Пять. И что?

Александр ПРОХАНОВ.

В эти годы мы по-настоящему реализовались.

Сергей КУРГИНЯН.

Да. Не было бы газеты "Завтра" или "День" — не было бы никакого патриотического возрождения. А что, я неправ? Оно бы состоялось на базе "Советской России"? Оно состоялось потому, что маленькая группа людей билась через эту безнадёгу, не видя ничего впереди, кроме неё.

Александр ПРОХАНОВ.

Так и ты то же самое делал.

Сергей КУРГИНЯН.

Конечно!

Александр ПРОХАНОВ.

А ведь как мы в период вызревания ГКЧП работали с тобой! Мы с тобой дважды вдвоём сделали очень крупное государственное дело.

Сергей КУРГИНЯН.

Программу Явлинского отменили мы вдвоём.

Александр ПРОХАНОВ.

Первый раз — это когда с нами работал Бакланов с моей стороны, и Прокофьев — с твоей.

Сергей КУРГИНЯН.

Да. Они никогда бы не соединились, если бы не мы.

Александр ПРОХАНОВ.

Это была целая процедура встреч, разговоров.

Сергей КУРГИНЯН.

Шенин, Бакланов, Прокофьев — все…

Александр ПРОХАНОВ.

А второй раз это была Поклонная гора. Это ж — тоже чудо. Это нужно осмыслить. Чудовищный, лютый мороз, когда пар вылетал уже в виде сосулек изо рта…

Сергей КУРГИНЯН.

У меня была температура 40, апропо.

Александр ПРОХАНОВ.

И вокруг была температура 40. И, по существу, небольшая горстка, которая вышла в этот окаменевший от мороза воздух, произнесла несколько речений. По-видимому, речения эти оказались магические, потому что там всё рассосалось.

Сергей КУРГИНЯН.

Мне передали тогда из Америки, что Обаме сообщили: "Это какие-то сектанты вышли". Он сказал: "Если сектанты, то всё. Сектанты — это очень серьёзно. Ладно, уберите наших. Сектантов не надо. Не надо, чтобы сектанты были". В его мозгу сектанты — это миллионы людей. Это мормоны. Сейчас все пойдут. Это кошмар просто!

Ни один консерватор не выводил большинство на улицу во второй половине двадцатого века. Что, де Голлю некого было вывести в момент "парижской весны", когда его мочили? Он мог вывести своих сторонников, но он не осмелился. И Трамп не осмелится. В первый раз это произошло на Поклонной горе. Оно вышло, это рассеренное большинство, которое никогда на улице себя не показывало, ему ещё было что-то нужно. Конечно, в этом было политическое чудо, о котором ты сказал.

А сколько у меня было шансов выжить в Донецке? Три из ста. Я это понимал, мне было даже от этого весело. Но в итоге в Донбассе возникли два корпуса. И они нормальные. Не ахти (в Приднестровье было лучше), но нормальные. А не было ничего.

Поэтому, когда чего-то хочешь по-настоящему, — происходят подключения к этим энергиям. И я не верю, что ребята сыграли бы "Пастыря" так, как они сыграли, если бы они не подключились. Они, конечно, подключились.

Этот ток идёт особенно, если есть собор. У нас дико атомизированное общество. У русской молодёжи колоссальная потребность в соборе, в общности. Когда они начинают понимать, что могут быть вместе, они абсолютно меняются.

В любом случае, наша эпоха абсолютной безнадёги кончилась. Для меня она маркируется и телепередачами "Суд времени" (а затем — "Исторический процесс"), и созданием движения "Суть времени", и Поклонной горой. Рядом со мной в период безнадёги сидело десять человек. А сейчас сидит… ну, пусть сто. Ну, а кто сказал, что завтра их не будет десять тысяч? Наш путь — это прорывание через безнадёгу.

Александр ПРОХАНОВ.

А не придётся ли нам в третий раз совершить метафизический поступок?

Сергей КУРГИНЯН.

Придётся. Придётся, Саша. Конечно, придётся. Но повторить прямо Поклонную гору уже не удастся…

Александр ПРОХАНОВ.

Ну, зачем? Там будут другие связи и, видимо, другие поступки…

Сергей КУРГИНЯН.

И другой враг.

Александр ПРОХАНОВ.

И другой враг, который ещё не обнаружил себя. То, что сейчас обнаружило себя, — это не враг.

Сергей КУРГИНЯН.

Ничего, ничего, враг найдётся, он нас не предаст. Это в спецназе так говорили: "Враг нас предал". Враг нас не предаст. Тьма придёт.

Александр ПРОХАНОВ.

Я думаю, что сгущающаяся тьма, этот мрак, о котором ты говоришь, это наступающее ощущение безнадёжности, может быть, это всё — предтеча огромного света. Надо смотреть на эти тучи и искать, где в них будет прорубь, пролёт…

Сергей КУРГИНЯН.

Для меня, как человека духовно-светского (не классически религиозного), все признаки земного апокалипсиса, ада земного — налицо. Я считаю, что враг человечества уже вторгся. Он построил "моёвник" — мир, где доминирует "моё", где люди обособились, где человек деградировал, где клубится безумие в самых уродливых, непонятных формах. Я могу назвать главные принципы "моёвника": декультурация (отключение людей от своей культуры), социальная атомизация, какое-то бездуховное отчаяние. Ну, и какая-то физическая усталость.

Александр ПРОХАНОВ.

Всё ближе Новый Иерусалим, понимаешь? Надо наблюдать это всё без трагедии.

Сергей КУРГИНЯН.

Надо знать одно: ты не смирился? Не смирился. Ты войну продолжаешь? Всё! Делай это наиболее разумно и сильно с теми, кто готов это делать вместе с тобой. Главное — ввязаться в бой, а там посмотрим. Они придут. Они ненавидят, они хотят тут всё разрушить до конца, поэтому драка будет.

Александр ПРОХАНОВ.

Тебе 70, дорогой мой друг, и ты встречаешь свой юбилей не в шезлонге на Лазурном берегу, ты встречаешь своё 70-летие в строю! Вокруг тебя по-прежнему свистят мечи, летят камни из пищали, и ты, я думаю, прекрасно понимаешь, что это твоя миссия, что тебя избрала эта судьба. Не ты её избрал, не ты её делаешь, а она смотрит на тебя, правит тобой, в этом смысле ты являешься избранником. И ты в свои 70 лет чувствуешь себя мужественно, светло, понимаешь, что многие вокруг тебя спасутся.

Сергей КУРГИНЯН.

Знаешь, поскольку я был здоровый, толстый мальчик, то никогда особенно спортом не занимался. У моего друга ближайшего порок сердца, так он чемпионом стал. А я был всегда выше других ростом, толстоватый, довольно крепкий парень. Ну, мой тренер Харлампиев чему-то меня учил, я, со средними успехами, как-то боролся. А теперь я восстанавливаю навыки рукопашного боя, поднимаю показатели… Хотя совершенно не понимаю, зачем это делаю. Я вот встаю утром и зачем-то начинаю всё это делать. Зачем мне это нужно? Мне никогда в жизни это не было нужно. Я тренируюсь, а мне говорят: "В вашем возрасте уже не могут увеличиваться объёмы мышц". Я отвечаю: "Наверное, не могут, но вот, посмотрите!" Мне как будто нашёптывает что-то: "Пригодится, пригодится".

Александр ПРОХАНОВ.

Ты сейчас говоришь это всё, чтобы я последовал твоему примеру?

Сергей КУРГИНЯН.

Да, конечно! И я точно знаю, что ты и так следуешь тем же путём.